

Профессия — свидетель

и
Андрей Сивер

18+

Андрей Сивер

Профессия — свидетель

<https://litres.ru/74669512>

SelfPub; 2026

Аннотация

Можно ли оставаться нейтральным, если за наблюдение платят? Лев Громов зарабатывает тем, что следит за чужими жизнями и записывает только увиденное. Заказ без имени, женщина, которую велено не терять из виду, и смерть заказчика превращают его заметки в опасные улики. Теперь Лев сам под подозрением, а каждый пробел в архиве может оказаться важнее записанного.

«Профессия — свидетель» — детектив о границе между фактом и выводом, вниманием и вторжением, памятью и удобной версией. Распутывая чужую историю, Лев проверяет собственные мотивы и учится признавать, чего не знает. Книга для любителей психологических расследований и тех, кто размышляет о доверии и цене чужих тайн. Она оставляет не готовые ответы, а важный навык: смотреть внимательнее — и не выдавать догадку за правду.

Книга создана с помощью ИИ. Обложка: GPT Image -
Лицензия

Содержание

Плата за чужую жизнь	5
Правила наблюдателя	15
Заказ без имени	26
Женщина, которую велели не терять из виду	37
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Сивер

Профессия — свидетель

Профессия — свидетель

Андрей Сивер

Плата за чужую жизнь

В 14:12 Андрей Ковалёв вышел из пансионата с белым конвертом во внутреннем кармане пальто. У ворот он задержался, прижал ладонь к груди, словно проверяя, на месте ли конверт, и оглянулся на третий этаж.

Лев Громов отметил время.

Потом записал: «Вышел, остановился у ворот, проверил внутренний карман, посмотрел на окна третьего этажа». Ни «забрал документы», ни «волновался», ни даже «прощался». Только то, что можно было увидеть. Лев любил точные глаголы: они не требовали извинений.

Дождь шёл мелкий, упрямый. На остановке люди жались друг к другу под одним козырьком, и Лев растворился между женщиной с клетчатой сумкой и подростком в наушниках. Он умел становиться частью толпы примерно так же, как умел выбирать обувь: незаметно и без особой радости. Серое пальто, тёмная шапка, лицо, которое через пять минут не вспомнит даже владелец.

В нагрудном кармане лежал блокнот, в боковом — диктофон. Диктофон включался только для времени и коротких меток, а всё существенное Лев записывал рукой. Так ему казалось надёжнее. Электроника сохраняла звук, бумага — ответственность. По крайней мере, бумагу можно было перечитать и убедиться, что ты ничего не придумал.

Ковалёв направился к остановке. Не торопился. Он всегда выходил из пансионата так, будто оставлял там часть своего времени и ждал, пока она догонит. Автобус подкатил, распахнул двери. Андрей вошёл, приложил карту к валидатору и сел у окна.

Лев остался на тротуаре. Не вмешиваться — первое правило его работы. Не окликать, не подталкивать события, не менять чужой день одним своим присутствием. Он не следователь, повторял он себе. Не судья. Не исповедник. Просто человек, который смотрит.

Для этого человека ему платили три недели.

Первый заказ пришёл в начале месяца. Незнакомый мужской голос спросил, можно ли проследить за Андреем Ковалёвым, выяснить, куда тот ездит по средам и с кем встречается. На вопрос о цели голос ответил: «Мне нужно знать, что он делает». В этом ответе было мало информации и достаточно денег. Лев согласился.

Он не считал это дурным поступком. Люди платили за факты, а факты сами по себе никого не обижают. Обидеть может вывод, говорил он себе. Но выводы заказчики делали сами, а Лев лишь ставил даты, адреса и глаголы в правильном порядке. Чужая тревога, чужая ревность, чужое наследство — всё это оставалось по ту сторону счёта.

На второй неделе Лев понял, что Ковалёв каждую среду навещает мать в пансионате «Тихая пристань». Мужчина приезжал в одно и то же время, приносил пакет из магази-

на у метро, проводил внутри час или чуть больше. Иногда возвращался к машине за забытой вещью. Один раз полчаса пытался закрыть окно в комнате матери — створка заедала, и он сердито дёргал ручку, пока не позвал сотрудницу.

Это тоже было в блокноте. «В 14:48 покинул этаж. В 14:52 вернулся с отвёрткой. В 15:06 покинул здание». Никакой оценки. Лев даже не записал, как после починки окна Ковалёв сдул с ладони серую пыль и вытер пальцы о собственный платок.

На третью среду он начал замечать детали, которые не входили в задание. Ковалёв всегда приносил матери груши, хотя сам их не ел. В прошлый раз он долго очищал одну от кожуры, снимая полоски тонко, почти прозрачными лентами. Женщина в кресле откусила кусочек, поморщилась, а он улыбнулся и положил оставшееся в контейнер.

Лев записал: «14:27. Передал матери очищенную грушу. Она съела один кусок. Остальное он убрал в пластиковый контейнер».

Он не записал, что Ковалёв терпеливо ждал, пока мать прожует. Это не было действием. Это было время между действиями.

Сегодня Лев видел их через открытую дверь в конце коридора. Он не входил в здание под выдуманном предлогом и не заглядывал в окна. Пансионат был открыт для посетителей, а дверь в палату оставалась приоткрытой. Лев сидел в холле с бумажным стаканом кофе и читал бесплатный бук-

лет о сезонной аллергии, который взял на стойке. На обложке улыбалась девушка, не зная, что весна бывает ещё и мокрой.

Ковалёв поставил пакет на тумбочку. Достал из него контейнер, салфетки, две упаковки лекарств. Поговорил с матерью, наклонился, чтобы услышать её ответ. Потом сходил за водой.

— Ты опять бумаги забрала, — сказал он, когда вернулся.

— Я их не забрала. Я их положила.

— В коробку с нитками?

— Там удобно.

— Там же иголки.

— Так и найди.

Он засмеялся, не громко. Женщина тоже улыбнулась. Лев слышал их голоса, но не каждое слово. Он не стал придвигаться ближе.

Через несколько минут Ковалёв открыл нижний ящик тумбочки. Достал оттуда белый конверт и показал матери.

— Это квитанции и выписки. Я заберу, сделаю копии и в пятницу принесу обратно.

— Не потеряй, Андрей.

— Не потеряю.

Он положил конверт во внутренний карман пальто. Потом проверил, плотно ли закрыта бутылка с водой, придвинул к креслу тапочки матери и поправил на её коленях плед. Перед уходом они о чём-то заговорили. Лев разобрал только

последнее:

— В следующую среду, как обычно.

Ковалёв ответил:

— Конечно.

И вышел.

Лев провёл его взглядом до ворот, записал время и отметил, как мужчина проверил карман. Потом закрыл блокнот. Мелочь, подумал он. Белый конверт, который кто-то вынес из комнаты. Такие мелочи и были его работой.

Вечером он сел за кухонный стол и составил отчёт. Сначала внёс даты, время приезда и отъезда, маршрут. Потом добавил сведения о посещениях пансионата. В конце написал: «В 14:21 открыл нижний ящик тумбочки. Вынул белый конверт. В присутствии матери пояснил, что внутри квитанции и выписки, которые он заберёт для копирования. Поместил конверт во внутренний карман пальто».

Он перечитал фразу. Она была точной. Он не знал, что лежало в конверте. Не проверял, вернул ли Ковалёв его в пятницу. Не мог подтвердить, действительно ли там были квитанции. Всё это осталось за границей виденного.

В соседнем столбце, который он обычно не показывал заказчикам, Лев написал: «Возможно, забрал документы». Посмотрел на эту строчку и зачеркнул. Слово «возможно» не делало догадку фактом. Оно лишь надевало на неё чистую рубашку.

На экране ноутбука мигало пустое поле: «Дополнитель-

ные замечания». Лев оставил его пустым. Он умел делать это убедительно — не только с полями отчёта, но и с собственной жизнью.

У него дома было тихо. Настолько тихо, что холодильник иногда звучал как собеседник, у которого закончились хорошие темы. Лев приготовил яичницу, съел её стоя у столешницы и отправил отчёт заказчику. Затем убрал блокнот в ящик, хотя обычно оставлял его на столе. В тот вечер страница с Ковалёвым почему-то казалась не рабочей записью, а чужой комнатой, в которую он заглянул без стука.

Звонок пришёл на следующее утро.

— Отчёт получил, — сказал незнакомый мужской голос. Тот же, что звонил в первый раз. — Значит, он забирал документы.

— Я записал, что он взял конверт и что сказал о его содержимом.

— Он вынес бумаги из комнаты матери.

— Это не одно и то же, что вынес документы без её согласия.

На другом конце повисла короткая пауза.

— Вы ведь сами видели, как он положил конверт в карман.

— Да. И видел, как он объяснил матери, что собирается сделать.

— Она может не понимать, что подписывает.

Лев посмотрел на экран ноутбука. Там всё ещё был от-

крыт отчёт. Четыре сухие строки, без единого предположения. Странное дело: сколько бы он ни вычищал из текста собственное мнение, чужое всё равно находило туда дорогу.

— Вы его родственник? — спросил Лев.

— Это имеет значение?

— Для меня — да. Я хотел бы понимать, зачем вы заказали наблюдение.

Голос стал холоднее.

— Он уговорил мать оформить на него доверенность. Я хочу знать, не пользуется ли он этим. Мне нужна правда.

Лев провёл большим пальцем по краю стола. Правда — слово удобное. В него можно было положить всё, что человек уже подозревал, и потом назвать найденным.

— Я не могу подтвердить, что он пользуется доверенностью, — сказал Лев. — Я видел, как он забрал конверт. Слышал, что там квитанции и выписки. Не знаю, что было внутри.

— Но вы видели, что он забрал его.

— Да.

— Вот и всё.

Лев понял, что разговор закончился, хотя заказчик ещё не положил трубку. От него ждали не показаний, а кирпича. Заказчик уже знал, какую стену собирается строить, и искал материал подходящего размера.

— В отчёте это указано, — сказал Лев.

— Тогда пришлите счёт за последнюю неделю. Я оплачу

сегодня.

Звонок оборвался. Лев остался сидеть, глядя на незанятый стул напротив. Он не мог знать, кто прав. Может быть, мать действительно путалась в бумагах. Может быть, Ковалёв не просто помогал ей. Может быть, брат заботился о матери и потому подозревал другого сына. Может быть, заботу вообще удобнее замечать, когда она принадлежит тебе.

Лев открыл блокнот. Рядом с фактами записал новую строку: «Заказчик считает конверт доказательством». Затем добавил: «Я этого не знаю».

Эти два предложения не сделали его лучше. Но хотя бы не позволили ему притвориться, что он не заметил разницы.

В тот день он получил перевод за три недели работы. Сумма была вполне приличной для человека, который не спасал жизни, не ломал замки и не задавал лишних вопросов. Лев оплатил счета, заказал продукты и оставил деньги на поездку к морю, до которой, как обычно, не добрался бы.

Он открыл окно. С улицы тянуло мокрым асфальтом и свежим хлебом из пекарни внизу. На тротуаре мужчина придержал дверь перед пожилой женщиной. Она прошла, не поблагодарив. Мужчина не обиделся. Лев поймал себя на том, что уже прикидывает, как описать увиденное: «Неизвестный мужчина придержал дверь. Женщина прошла внутрь. Контакт между лицами отсутствовал».

Он закрыл окно.

Вечером зазвонил телефон. Номер не определился.

— Лев Громов? — спросил женский голос.

— Да.

— Мне вас рекомендовали. Нужно наблюдать за человеком.

— За кем?

— Вера Мельникова. Я пришлю фотографию и адрес.

Лев записал имя на чистой странице. Почерк у него был ровный, почти учительский.

— Что именно вы хотите узнать?

— Где она бывает, с кем встречается. Всё, что сможете установить.

— И зачем вам это?

На линии зашуршало. Женщина не спешила отвечать, словно выбирала не правду, а подходящий способ произнести её.

— Это личное.

Лев почти улыбнулся. Обычно люди называли личным то, что собирались поручить чужому человеку.

— Сколько дней?

— Пока не скажу. Оплата вдвое выше обычной. Аванс сегодня. И ещё одно условие.

Он посмотрел на имя в блокноте.

— Какое?

— Не терять её из виду. Ни на минуту, если это возможно.

«Ни на минуту» было не условием, а обещанием невозможного. В человеческом дне всегда случались закрытые

двери, переходы, чужие плечи, внезапные повороты. Наблюдатель мог стараться, но не мог стать тенью без собственной воли.

Лев попросил прислать материалы и сказал, что возьмёт заказ. Женщина отключилась. Через минуту пришло сообщение: фотография, адрес, сумма аванса. На снимке Вера Мельникова стояла возле витрины книжного магазина, отвернувшись от камеры. На её лице не было ничего, что объясняло бы, почему за её днём собирались следить так настойчиво.

Лев внёс имя в блокнот. Ниже, после адреса и времени первой встречи, он записал: «Сомневаюсь, что смогу не терять её из виду». Потом добавил: «Не знаю, что именно должна доказать моя внимательность».

Он перечитал запись, закрыл блокнот и положил его рядом с телефоном. Завтра ему предстояло не просто смотреть. Завтра ему предстояло решить, какие правила удержат наблюдателя от превращения чужой жизни в удобную версию.

Правила наблюдателя

Утром Лев пришёл в бюро раньше уборщицы.

В коридоре пахло мокрой шерстью, старой краской и кофе, который кто-то забыл на подоконнике ещё в пятницу. Его кабинет помещался между бухгалтерией и комнатой, где хранили сломанные принтеры. Одно окно, два стола, шкаф с архивом наблюдений. На корешках папок стояли даты и короткие обозначения. Чужие жизни, разложенные по годам и алфавиту.

Лев снял пальто, положил телефон экраном вниз и открыл нижний ящик стола. Там лежала старая памятка: лист в прозрачном кармане, углы пожелтели, почерк выцвел. Он составил её шесть лет назад и с тех пор не переписывал. На первой строке значилось: «Не вмешиваться». На последней: «Не привязываться к объекту».

Между ними помещалось ещё восемь правил. Лев перечитал их все, хотя знал наизусть.

Сначала эти строки помогали ему работать. Потом стали помогать не задавать себе лишних вопросов.

Он вытянул чистый бланк и начертил пять граф: цель, законность, пределы наблюдения, уровень риска, условие остановки. Так выглядел его рабочий чек-лист. Не инструкция для тех, кто шёл следом за человеком, а попытка понять, зачем вообще следует идти.

В графе «цель» он написал: «Установить распорядок дня Веры Мельниковой».

Слово «распорядок» задержалось под карандашом. Оно звучало деловито и почти безобидно. Так называли таблицу встреч, доставок и совещаний. Но в таблице человека можно было отметить время, место и привычку, а потом решить, что имеешь право на всё остальное.

Лев зачеркнул запись.

Первое правило должно было звучать иначе: заказчик обязан назвать вопрос, на который ищет ответ. Не «посмотрите, что она делает», не «проверьте, что-то тут не так». Конкретный вопрос ограничивал наблюдение. Расплывчатый превращал его в сбор сведений на всякий случай.

Когда-то Лев принял формулировку «проверить связь с конкурентом». Он наблюдал за сотрудницей фирмы, Ириной Громовой. Несколько раз видел, как она встречалась с мужчиной, которого заказчик назвал представителем другой компании. Однажды Громова передала ему коричневый конверт. Лев записал: «Передала пакет документов представителю конкурента».

Он не видел, что было внутри конверта. Не проверил, кем был мужчина. Но фраза в отчёте получилась уверенной.

Через неделю Громову уволили. Клиент разослал выдержки из отчёта руководству и назвал наблюдение подтверждением утечки. Позже выяснилось, что мужчина был её братом, а в конверте находились бумаги, связанные с продажей

квартиры их матери. Лев узнал об этом не из собственно-го расследования. Громова пришла к нему спустя несколько месяцев, когда уже потеряла работу и обжаловала увольнение.

— Вы видели меня с конвертом, — сказала она тогда. — Остальное вы добавили сами.

Лев не нашёл ответа. Он мог сказать, что поверил заказчику. Мог напомнить, что написал не приговор, а рабочий отчёт. Ни одно объяснение не меняло того, что его слова стали удобным доказательством.

У памятки есть вторая строка: «Проверить законность поручения». Раньше он понимал её узко: не соглашаться на взлом, угрозы и чужие пароли. Этого казалось достаточно. Теперь Лев записал на бланке: «Законное основание и понятная цель». Аванс не делал поручение законным. Уверенность заказчика тоже.

Он открыл договор, который прислали вечером. В графе цели стояло: «Сбор сведений о поведении гражданки Мельниковой». Ни слова о том, зачем эти сведения нужны и какое решение должно зависеть от них. Не было обозначено, какие данные считать достаточными, кто получит отчёт и как долго он будет храниться.

Лев поставил возле этой графы вопросительный знак.

Из-за стены донёсся скрип кресла. В соседнем кабинете работал Павел, один из двух коллег, с которыми Лев делил коридор и общий принтер. Они разговаривали редко, чаще

обменивались документами через секретаря.

Павел приоткрыл дверь.

— Новая работа?

— Пока не знаю.

— Аванс уже взял?

Лев посмотрел на экран телефона.

— Взял.

Павел чуть поднял брови, но ничего не сказал. Его дверь закрылась. Лев понял, что сам употребил слово «работа», хотя пока не знал, что именно ему поручили.

Третье правило было про пределы: собирать только то, что относится к вопросу. Оно появилось после одного заказа, когда Лев принёс клиенту подробный отчёт о семейных визитах человека, которого просили проверить на конфликт интересов. Большая часть записей не имела отношения к делу. Клиент прочитал их все. Лев тогда решил, что достаточно точно записывать факты. Теперь он видел: лишнее знание тоже было выбором. Иногда самым лёгким.

Он вернулся к бланку и вписал: «Не составлять полный распорядок без конкретного основания». Рядом поставил черту.

Четвёртое правило касалось границ наблюдения. Оно было сформулировано коротко: «Не заходить туда, куда человек не открыл доступ». Раньше Лев считал, что эта строка защищает его от нарушения закона. Теперь она напоминала ему, что чужая дверь не становится менее закрытой только

потому, что за ней может оказаться нужный ответ. Он добавил: «Не вторгаться в частное пространство и не собирать сведения способами, которые меняют саму ситуацию».

Пятое правило он написал на полях: «Разделять увиденное и понятное».

Когда-то Лев гордился точностью записей. «Вышла из здания в 17:42». «Встретилась с мужчиной». «Передала конверт». Всё можно было подтвердить. Но даже точные предложения, поставленные рядом, начинали рассказывать историю. «Мужчина» незаметно становился «связным». «Конверт» — «документами». В отчёте факт и предположение должны были жить раздельно, иначе читатель принимал одно за другое.

В графе «цель» Лев не стал писать новую формулировку. Оставил пустое место.

Шестое правило пришло из привычки хранить всё. Раньше он сохранял каждую мелочь: время остановки у магазина, номер автобуса, разговор, случайно услышанный в общественном месте. Архив казался доказательством добросовестности. Позже он понял, что обилие записей не делает вывод надёжнее. Оно лишь даёт заказчику больше материала для собственной версии.

Лев открыл папку Мельниковой, создал в ней пустой шаблон и отметил: фиксировать только относящееся к согласованной задаче. Не собирать подробности, которые нельзя объяснить рабочей необходимостью. Не превращать архив в

чулан, куда складывают всё, что может однажды пригодиться.

Седьмая строка на старой памятке запрещала контактировать с человеком, за которым ведётся наблюдение. Лев помнил, почему её написал. После дела Громовой ему несколько недель хотелось найти её брата, спросить про конверт, будто одно дополнительное объяснение могло отменить написанное. Он не позвонил. Это было правильно. Но со временем правило стало удобным оправданием для другого: не разговаривать с теми, кого его отчёт мог затронуть, не слышать, как звучит их жизнь изнутри.

Лев не вычеркнул запрет. Он уточнил его: не провоцировать встречу, не вступать в контакт ради добычи сведений, не создавать человеку ситуацию, которой без наблюдателя не было бы. А если контакт необходим из-за непосредственной угрозы, прекратить работу и передать решение тем, кто отвечает за безопасность.

Он остановился. На бланке не хватало места, и он перевернул лист.

Восьмое правило касалось риска. Когда-то Лев считал, что риск принадлежит объекту наблюдения, а не наблюдателю. Если человек нервничает, меняет маршрут, начинает искать глазами знакомое лицо, работа становится сложнее. Он не спрашивал себя, почему это могло происходить и не становился ли он сам причиной опасности.

Теперь в графе «уровень риска» он написал: «Неизве-

стен». И добавил: «Неизвестность не равна низкому риску».

Затем сформулировал исключение, которого не было в старой памятке. Если он увидит непосредственную угрозу жизни или здоровью, то наблюдение прекращается. Не продолжать ради доказательства, не пытаться решить всё самому, не превращать опасность в сцену для отчёта. Вызвать помощь и сообщить только то, что необходимо для защиты человека.

Лев перечитал эту строку. Она не делала его спасателем. Она запрещала ему прятаться за ролью наблюдателя, когда опасность уже переставала быть любопытной.

Девятое правило касалось остановки. До этого момента Лев считал остановкой провал заказа: клиента не удалось убедить, нужная информация не собрана, день потрачен зря. Теперь он видел в условии остановки часть самой работы. Если заказчик расширяет задачу, просит нарушить границы, скрывает цель или создаёт риск, который нельзя контролировать, работу нужно приостановить.

Он записал это в пятую графу. Потом добавил ещё одну строку: «Если цель остаётся неясной — не начинать наблюдение».

Десятое правило было последним и самым неприятным: сообщать, чего он не знает. Не только перечислять подтверждённые факты, но и прямо обозначать пробелы. Слова «не установлено» в прошлом казались Льву слабостью. Теперь он понимал, что именно они могли бы удержать отчёт о Гро-

мовой от превращения в обвинение.

Телефон коротко завибрировал.

На экране появилось сообщение с незнакомого номера: «Нужен полный график Мельниковой. Все перемещения. Вознаграждение за отдельный отчёт — втрое выше».

Лев не стал отвечать сразу. Перечитал сообщение, затем положил телефон рядом с бланком. В горле пересохло. Тройная сумма закрыла бы аренду бюро и несколько счетов, которые он откладывал до конца месяца. Он мысленно прикинул, сколько дней работы это заменит. Потом посмотрел на пустую графу цели.

Он набрал номер, указанный в сообщении.

— Вы получили мою просьбу? — спросил знакомый ровный голос женщины.

— Да. Что именно вы хотите установить?

— Я уже объяснила. Как проходит её день.

— Нет. Вы прислали адрес и фотографию. Это не объяснение цели.

На линии повисла пауза.

— Лев, вы взяли заказ.

— Я взял аванс за работу в согласованных пределах. Пределы не согласованы.

— Мне нужно знать, с кем она встречается, куда ходит, сколько времени проводит в каждом месте. Полное расписание.

Он взглянул на строку, которую только что написал. Не

составлять полный распорядок без конкретного основания.

— Для чего вам эти сведения?

— Это не имеет отношения к вашей работе.

Фраза прозвучала без раздражения. Будто её заранее приготовили.

— Тогда я не могу считать работу определённой.

— Я плачу за наблюдение, а не за вопросы.

Лев помолчал. На языке вертелись привычные оправдания: что он не собирается вторгаться в частную жизнь, что будет осторожен, что просто соберёт факты. Каждое из них позволяло бы продолжить работу, не меняя сути. Он мог бы назвать ограничением то, что не собирался нарушать закон, а остальное оставить на усмотрение заказчика.

— Я не продаю полное расписание человека, — сказал он.

— Если у вас есть конкретный вопрос и законное основание, пришлите их письменно. До этого я не начинаю наблюдение.

— А если я не пришлю?

— Тогда верну аванс за вычетом уже согласованных расходов.

— Вы всегда так усложняете простое дело?

Вопрос был задан спокойно. Лев почувствовал, как напряглись пальцы на телефоне. Он повернул аппарат экраном вниз, но почти сразу вернул обратно. Увидеть, кто звонит, он хотел. Не видеть — тоже.

— Простым оно стало бы, если бы вы назвали цель, — ответил он.

— Я подумаю.

Разговор оборвался.

Лев внёс в журнал время звонка и содержание просьбы. Не записал «подозрительный клиент» и не написал «опасное поручение». Только: «Заказчик отказался назвать цель. Потребовал полный график Веры Мельниковой. Предложена доплата втрое выше первоначальной. Наблюдение приостановлено до получения ясного письменного задания».

Под записью он поставил красный знак, которым отмечал условия, требующие повторной проверки. Впервые за несколько лет этот знак не служил украшением к уже принятому решению. Он стал причиной решения не продолжать.

Лев откинулся на спинку стула. Старые правила по-прежнему лежали перед ним, но выглядели иначе. «Не вмешиваться» не означало «не отвечать за последствия». «Не привязываться» не означало «не замечать человека». А аккуратно оформленный отчёт не переставал быть опасным оттого, что каждая строка в нём была напечатана без ошибки.

Он достал из ящика чистую карточку и переписал десять правил. Не старым почерком, который привык защищать его, а крупно, чтобы их было видно с порога. Потом оставил место внизу для исключения.

В семь вечера Лев закончил работу и закрыл журнал. Телефон лежал рядом с блокнотом. Как обычно, он сначала закрыл блокнот, а потом проверил сообщения.

Одно пришло с незнакомого номера.

«Вы всё ещё закрываете блокнот перед тем, как отвечать на незнакомый звонок».

Лев не сразу вдохнул. Он перечитал фразу, посмотрел на дверь кабинета, затем на окно. Шторы были задёрнуты. В комнате стояла тишина, в которой особенно отчётливо щёлкали остывающие трубы.

Он перечитал сообщение ещё раз. Номер не был тем, с которого звонила заказчица. Подписано оно не было.

На столе лежала фотография Веры Мельниковой, рядом — журнал с красной отметкой. Лев понял, что заказчик уже не просто просит его наблюдать. Кто-то наблюдал за ним.

Заказ без имени

Лев сделал снимок экрана и сохранил сообщение в отдельную папку. Потом записал время, номер и точную формулировку. Не потому, что уже знал, как поступить, а потому, что не хотел утром обнаружить: память незаметно пригладила острые углы.

На незнакомый номер он не ответил.

Сначала убрал фотографию Веры Мельниковой в папку, потом закрыл блокнот. Телефон оставил на столе экраном вверх. До сна он еще трижды проверил, не пришло ли продолжение. Не пришло. От этого сообщение не стало менее тревожным. Напротив: оно было похоже на короткий стук в дверь, после которого тот, кто стучал, отошел в темноту.

Встречу в кафе назначили еще днем, до этого сообщения. Лев мог отменить ее. Мог написать, что заказ приостановлен до выяснения обстоятельств, вернуть аванс и не разбираться, что скрывается за пустой строкой в карточке. Он уже придумал эту фразу, даже поставил точку.

Утром он отправил ее женщине, звонившей с номера, который сохранил как «Заказ».

«До разговора наблюдение не начинается. Сегодня встречаюсь с вашим представителем, чтобы уточнить условия».

Ответ пришел через минуту.

«Всё, как договорились».

Ни имени. Ни объяснения. Ни одного слова о вчерашнем сообщении.

Лев прочитал ответ, положил телефон рядом с ключами и сказал себе, что встреча нужна для того, чтобы вернуть деньги. Эта версия звучала благородно и потому сразу насторожила его. Он все же пошел.

Кафе называлось «Маяк», хотя окна выходили во двор, где даже днем было сумеречно. Лев пришел на четверть часа раньше и выбрал столик у стены. Отсюда были видны входная дверь, касса и отражение зала в темном стекле холодильника. Он заметил, как автоматически просчитал все три направления, и отвел глаза. Профессиональная привычка редко спрашивала, нужна ли она.

Посредник появился ровно в назначенное время. Мужчина лет пятидесяти, в серой куртке, без шапки, с мокрыми плечами. Он задержался у входа, не оглядывая зал, но сразу пошел к столику Льва.

— Лев?

— Да.

— Я от заказчицы.

Он произнес это так, словно передал имя, хотя имени не было.

Мужчина сел напротив, положил на стол конверт и заказал черный кофе. Руки у него были чистые, ногти коротко подстрижены. На левом рукаве темнело небольшое пятно, похожее на след от машинного масла. Лев отметил деталь и

тут же спросил себя, что она меняет. Пока ничего.

— Вы с ней разговаривали? — спросил Лев.

— Я передаю материалы.

— Это я понял. Кто оплачивает заказ?

Посредник посмотрел на конверт, не на Льва.

— Клиент предпочитает не фигурировать.

— В договоре тоже?

— Договор не понадобится.

— Тогда в карточке заказа.

Мужчина поднял глаза. В них не было угрозы. Только усталое раздражение человека, которого просят отвечать за чужие решения.

— Вам же объяснили: работа конфиденциальная.

Лев ощутил знакомое облегчение. Слово «конфиденциальная» закрывало вопрос аккуратнее, чем любая дверь. В его ремесле заказчики часто не хотели оставлять имя на бумаге. Иногда это было разумной осторожностью. Иногда — привычкой. Он привык считать, что разницу можно определить потом, когда появятся факты.

— Конфиденциальность защищает клиента от посторонних, — сказал он. — А анонимность защищает его от меня.

— Вам нужна работа или лекция?

На стол поставили кофе. Посредник подвинул конверт ближе.

Лев знал, что может встать. Достаточно было одного движения. Вместо этого он спросил:

— Что внутри?

— Краткое описание Веры Мельниковой, фотографии и аванс. Восемьдесят тысяч.

Сумма была круглой, как циферблат без секундной стрелки. Ни расчета по дням, ни объяснения, за что именно платят. Лев посмотрел на конверт, затем на мужчину.

— Почему восемьдесят?

— Так согласовано.

— С кем?

Посредник ничего не ответил. Он достал из кармана сложенный листок и разгладил его пальцем.

— Там все условия. Наблюдать несколько дней. Зафиксировать обычный маршрут, отметить изменения. Если она отклонится от привычного маршрута, не терять из виду.

Последние слова он произнес без нажима, почти буднично. Именно поэтому они зацепились.

Лев взял листок. В нем было несколько строк: имя Веры, возраст, место работы, адрес, предполагаемые часы выхода и возвращения. Маршрут был расписан с точностью до минуты: 18:12 — выход через западную дверь, 18:19 — остановка у киоска, 18:27 — трамвай номер семь, 18:41 — переход у старого театра. Ниже — краткая цель: «подтвердить порядок дня; при отклонении от обычного маршрута не терять из виду». Фотография была сделана, судя по всему, на каком-то публичном мероприятии. Вера смотрела не в объектив, а на женщину рядом. На снимке она казалась спокойной и заня-

той своей жизнью.

— Откуда у вас такие точные часы? — спросил Лев.

— Это и нужно проверить.

— Здесь написано как факт.

— Значит, проверьте.

— И если маршрут изменится?

— Отметьте.

— А дальше?

— Дальше решите по ситуации.

— Кто получит отчет?

Мужчина сделал глоток кофе.

— Заказчица.

— Та, с которой я говорил?

— Она передала запрос.

Лев ждал продолжения. Посредник промолчал.

На обороте листка была пустая строка для имени заказчика. В графе «контакт» значился только номер телефона. Тот самый, с которого ему звонили. Никаких фамилий, компаний, адресов для переписки. Даже в сообщениях не было имени, только короткие указания и время встречи.

Лев мог положить листок обратно. Он мог вернуть конверт, сказать, что без источника задания не работает. За последние годы он составил для себя правила именно на такие случаи: не брать заказ, если цель неясна; не продолжать работу, если обстоятельства меняются; не путать согласие клиента с разрешением на всё.

Но эти правила удобно было помнить заранее. В кафе, перед чужим конвертом, они вдруг стали похожи на мелкий шрифт в договоре, который никто не собирался читать.

— Я беру только проверку сведений из открытых источников и наблюдение в общественных местах, — сказал Лев. — Никаких закрытых помещений, никаких контактов с ее близкими. Отчет будет о том, что я видел сам, а не о том, что вы хотите увидеть.

— Мне без разницы, как вы это называете.

— Мне нет.

Посредник подвинул конверт еще на ладонь.

Лев посмотрел на него, потом на фотографию Веры. Анонимность он снова истолковал как плату за осторожность. Это было не одно и то же. Он знал разницу и все же не задал единственный вопрос, который мог остановить сделку: кому понадобились эти сведения и что он собирается с ними делать.

Вместо этого Лев взял конверт.

Деньги он пересчитал уже в кабинете. Внутри лежало восемьдесят тысяч, ровно, без записки и без расписки с именем отправителя. На карточке заказа он оставил незаполненной графу «заказчик» и написал: «Передал посредник. Имя не сообщено». Рядом поставил дату и время. Две строки ниже вывел: «Работа приостановлена до уточнения источника».

Он видел противоречие между этими записями. Одной рукой принял аванс, другой обозначил паузу. Удобный спо-

соб сохранить за собой ощущение, будто решение еще не принято.

Лев сфотографировал листок с заданием, конверт и карточку. Сохранил переписку целиком, включая короткое «Всё, как договорились». Затем сделал резервную копию на внешний диск. Не стал удалять сообщения и не переименовал контакт. Для порядка это было разумно. Для тревоги — тоже.

Он написал на номер заказчицы:

«Для продолжения нужны имя лица, заказывающего работу, цель наблюдения и подтверждение, кому будет передан отчет. До этого сбор сведений ограничен открытыми источниками».

Сообщение доставили. Ответа не было.

Вера Мельникова оказалась человеком, о котором можно было узнать достаточно, не заглядывая туда, куда не приглашали. На сайте городского музея нашлась ее должность: реставратор бумажных фондов. В открытом каталоге — подписи под двумя оцифрованными выставками. В афише районной библиотеки — объявление о встрече, где Вера должна была рассказать о восстановлении старых карт и писем.

Лев сверил даты. В задании говорилось, что по четвергам она выходит с работы в 18:12 и без остановок едет домой. В афише значилось выступление в четверг, в 18:30, в библиотеке на другом конце города. Не личная страница и не случайный снимок, а объявление, размещенное самой биб-

лиотекой. При этом неизвестно было, отменили ли встречу и совпадает ли речь о той же неделе.

Лев занес в карточку три записи:

«Заявлено: выход с работы в 18:12».

«Открытый источник: публичная встреча Веры Мельниковой в 18:30».

«Вывод: маршрут из задания не подтвержден; расписание может быть устаревшим либо намеренно неполным».

Он перечитал последнюю строку. Хотелось написать: «Заказчик проверяет меня». Это объяснило бы слишком многое, слишком быстро. Он оставил только то, что мог подтвердить.

В другой открытой публикации музей сообщал о временном переносе части мастерских. В задании же указывалась западная дверь старого корпуса. Лев не знал, имела ли Вера отношение к переносу, и не стал додумывать. У него уже было два несоответствия: расписание и место выхода. Не доказательство обмана, но достаточная причина не считать инструкцию надежной.

Он позвонил женщине с номера «Заказ».

— Вы получили мое сообщение? — спросил он, когда она ответила.

— Получила.

Голос был спокойный, тот же, что в первый раз. Ни раздражения, ни удивления.

— Имя заказчика и цель мне необходимы.

— Я не могу вам этого сообщить.

— Не можете или не хотите?

Пауза продлилась ровно настолько, чтобы ответ стал очевиден.

— Это не влияет на вашу работу.

— Влияет. Мне передали данные о женщине и просят сообщать об изменениях ее маршрута. Я должен понимать, кому и зачем уйдет результат.

— Вы согласились на условия.

— На неполные условия.

— Аванс у вас.

Слова прозвучали не как угроза, а как напоминание. Лев посмотрел на конверт, теперь уже пустой и сложенный вдвое.

— Я его верну, если откажусь.

— Решайте сами.

Она положила трубку первой.

Лев не сразу убрал телефон. Раньше он мог бы принять этот разговор за деловую жесткость. Теперь слышал в нем другое: заказчица не просто скрывала свое имя. Она заранее считала, что последствия ее не касаются, потому что договоренности достаточно. Лев сам помог ей сделать это допущение. Он принял деньги, не получив ответа на главный вопрос, а теперь пытался представить, будто границу провели за него.

В кабинете было тихо. За окном капал дождь, и на стекле соседнего дома загорались окна — одно за другим, без по-

рядка, который можно было бы назвать маршрутом. Лев достал из нижнего ящика старую папку с архивными карточками. Несколько лет назад он завел систему, где хранил не личные сведения клиентов, а формулировки заданий, даты, источники оплаты и собственные выводы. Тогда он считал, что архив нужен на случай спора. Со временем понял, что он нужен еще и для того, чтобы не верить первому объяснению, которое приходит в голову.

Текущую карточку он положил рядом с клавиатурой. Сначала проверил архив по фамилии Мельниковой, потом по номеру телефона, затем по словам «обычный маршрут». Ничего. Он уже собирался закрыть поиск, когда взгляд зацепился за формулировку из задания.

«При отклонении от обычного маршрута не терять из виду».

Лев убрал кавычки из поисковой строки и набрал фразу целиком.

Нашлась старая запись, датированная шестью годами ранее. Номер дела он помнил смутно. Женщина, имя которой в архивной копии было сокращено до инициалов. Несколько дней наблюдения, затем заказ закрыли по просьбе клиента. В отчете не было ничего особенного: входила в общественные здания, встречалась с коллегами, меняла расписание. На полях Лев тогда написал: «Цель наблюдения не уточнена. Материалы переданы в минимальном объеме».

Фраза о маршруте стояла в старой карточке слово в слово.

Даже запятая была на том же месте.

Лев открыл скан. Бумажная папка лежала на полке за его спиной, в коробке с делами того года. Он достал ее, осторожно стряхнул пыль и нашел платежный лист. Сверху было написано: «Аванс принят». Ниже — дата, сумма и подпись посредника. Почерк был резким, с короткими, почти печатными буквами.

«Воронцов Сергей».

Лев перечитал имя и сверил дату. На обороте стояла пометка о закрытии дела. Причина не указана. Связь с нынешним заказом пока состояла из одной повторившейся фразы и одного имени, записанного в старом платежном листе. Этого было мало для вывода. Для расследования — достаточно, чтобы не выбрасывать нить.

Он положил старую карточку рядом с новой и обвел фамилию. Потом вернулся к заданию Веры и подчеркнул слова «не терять из виду».

Впервые за весь день они перестали казаться обычной инструкцией.

Женщина, которую велели не терять из виду

В семь двадцать утра Лев разложил на кухонном столе две карточки: новую, с именем Веры Мельниковой, и старую, на которой стояла подпись Сергея Воронцова.

Он сверил даты еще раз, будто между ними могло проступить объяснение. Не проступило. Только одинаковая фраза: «не терять из виду».

Лев убрал карточку Воронцова в отдельный конверт, взял блокнот и вышел. Имя из старого дела не должно было подменять ему сегодняшний день. Пока Воронцов был не ответом, а ниткой. Тонкой, неудобной и пока никуда не ведущей.

Задание по Вере оставалось прежним: установить ее расписание, отмечать встречи и отклонения, не допускать потери контакта. Ни адреса заказчика, ни пояснений, ни подписи ответственного. Лев перечитал лист у подъезда, сложил его и убрал во внутренний карман.

На первой странице блокнота он провел четыре колонки: дата и время, наблюдаемый факт, степень уверенности, пробы. Последнюю оставил широкой.

Он знал, как легко она заполняется чужими догадками.

Вера вышла из подъезда в восемь без пяти. Темно-синее пальто, коричневая сумка с короткими ручками. Дверь за со-

бой придержала, чтобы не хлопнула. У тротуара остановилась и подняла с земли выпавший из чьей-то папки лист. Разгладила загнутый угол, проверила, не порвалась ли бумага, потом положила лист на скамейку под навесом.

Лев записал: «08:02. Вышла из дома. У тротуара подобрала лист, оставила на скамейке. Уверенность высокая. Владелец листа неизвестен».

Он мог бы написать «бережливая». Или «внимательная». Но это были бы уже не факты.

На остановке Вера выбрала место под расписанием и достала из сумки сложенную газету. Пока ждала автобус, не читала. Провела ногтем по кромке старой афиши на стекле, задержалась взглядом на дате, затем снова раскрыла газету. Лев отметил время прибытия автобуса, номер маршрута и место, где она села.

В городском архиве она работала в здании с облупленной вывеской бывшего страхового общества. Лев узнал это по пропуску, который мелькнул у нее в руке. В обеденный перерыв Вера вышла через служебный вход и дошла до маленькой пекарни на соседней улице. Взяла чай без сахара и булочку с маком. На обратном пути остановилась возле витрины магазина канцелярских принадлежностей. Смотрела не на ручки и альбомы, а на отражение улицы в стекле.

Когда мимо прошли двое мальчишек, один задел плечом прохожего. Вера повернула голову и проводила их взглядом. Потом вошла в архив.

В блокноте появилась строка: «12:41. Остановка у витрины — 2 минуты. Причина неизвестна. Уверенность высокая».

В первый день Лев вернулся домой с шестью фактами и ни одним объяснением.

На второй день она вышла в то же время, села в тот же автобус и сошла у той же остановки. На третий — купила в продуктовом магазине яблоки, хлеб и маленький пакет молока. Кассирша спросила, нужна ли сдача монетами. Вера ответила, что нужна, и аккуратно пересчитала мелочь прежде, чем убрать ее в кошелек.

— Вы всегда так считаете, — сказала кассирша без упрека, скорее с привычной улыбкой.

— Не всегда, — ответила Вера. — Только когда сдача не совпадает с чеком.

Кассирша посмотрела на экран кассы и поправила ошибку. Вера дождалась, пока ей выдадут новый чек, сложила его пополам по напечатанной линии и убрала в карман сумки.

Лев записал разговор почти дословно. Потом долго смотрел на строку, словно ждал, что из нее возникнет что-то полезное.

К концу первой недели его карта рутины напоминала аккуратно составленную схему: дом, остановка, архив, пекарня, продуктовый, дом. По пятницам — старый кинотеатр «Мир», расположенный на углу площади. Вера покупала билет на вечерний сеанс и садилась ближе к проходу. В первый

раз Лев не вошел следом: остался снаружи и записал время, когда она вышла. Через неделю повторил наблюдение. Она купила билет на тот же сеанс, но в зал вошла позже, когда погас свет.

Сходство двух пятниц показалось Льву доказательством. Он уже мысленно называл ее привычки расписанием и отмечал не даты, а правила. Подъем. Работа. Покупки. Кино. Одиночество.

Слово «одиночество» он не записал. Но оно незаметно появилось у него в голове — так же, как появляются удобные выводы, если достаточно долго смотреть на одни и те же маршруты.

В понедельник он открыл карту и увидел, что в колонке «пробелы» почти пусто. Не потому, что вопросов не осталось. Потому, что он не задавал их.

Он пересел за стол и переписал записи заново. Не изменяя фактов, но убрав из них то, чего не мог знать. В строке «каждую пятницу посещает кинотеатр» заменил «каждую» на «наблюдал дважды». В строке «ходит пешком от остановки до архива» добавил: «в течение трех наблюдавшихся дней». Рядом поставил степень уверенности — среднюю. Вероятно, могла добираться другим путем. Он просто не видел этого.

Лев проверил, что происходило в городе в те дни, когда она меняла время выхода. На улице у ее дома шли ремонтные работы, и автобус дважды приходил с задержкой. Одним

вечером Вера сошла на остановку раньше, но не потому, что изменила привычку. Главную улицу перекрыли, и она обошла ограждение переулком. Лев прошел за ней тот же путь и увидел у перекрестка знак с уведомлением о ремонте теплосети.

«Маршрут изменен. Вероятная внешняя причина — перекрытие. Уверенность высокая».

Он почувствовал удовлетворение, но не стал делать из него вывод. Изменение было замечено; причина проверена. Это не означало, что он теперь понимал Веру.

А понимал он, как ему казалось, все больше.

Она аккуратно закрывала за собой дверцы шкафов в архивной приемной. Подбирала с пола упавшие скрепки. Однажды, когда у входа сорвало ветром расписание работы, вернулась, подняла лист и приклеила его обратно к стеклу двумя полосками скотча. Дату на листе поправила, потому что тот висел вверх ногами.

Другой раз, выходя из архива, остановилась у окна и поправила торчащий из папки уголок бумаги. Сделала это быстро, не глядя, будто рука помнила привычное движение лучше, чем голова. Потом задержалась у витрины напротив, но теперь смотрела на выставленные книги. Или на свое отражение, в котором угадывался перекресток. Лев не мог решить. В журнале оставил обе возможности — и ни одну не подчеркнул.

Его собственная работа состояла в том, чтобы замечать

чужие жизни, не становясь их участником. Он привык думать, что хорошее наблюдение похоже на ровную линейку: приложил к фактам, провел черту, получил направление. Но Вера не укладывалась в черту. Каждый повтор маршрута делал ее понятнее только в одном смысле: он знал, где она появится. На вопрос, зачем она туда приходит, это не отвечало.

Вторая пятница принесла дождь. Вера, как и неделю назад, отправилась к кинотеатру, но у входа задержалась. На двери висело объявление о замене сеанса. Она прочитала его, сложила билет, который уже достала из сумки, и пошла не к кассе, а в сторону площади.

Лев проверил время, затем посмотрел на улицу. Дождь лил косо, ветер гнал под ноги мокрые листья. Вера не раскрыла зонт. Она прошла мимо остановки, где обычно садилась в автобус, свернула к старой булочной, потом остановилась у закрытого киоска. Взяла телефон, посмотрела на экран и убрала обратно.

Лев отметил отклонение. Уверенность высокая. Причина неизвестна.

На следующий день она вернулась к прежнему маршруту. В понедельник тоже. Еще два вечера — без изменений. В среду дождь прекратился, а улицы подсохли. Вера вышла из архива в обычное время, прошла мимо пекарни, не остановившись, и повернула в сторону, противоположную дому.

Лев посмотрел на блокнот, будто ответ мог уже лежать между строк.

Она шла быстро, но не торопилась. Не оглядывалась на перекрестках. В одном месте задержалась, пропуская велосипедиста; на следующем светофоре дождалась зеленого, хотя машин не было. Лев держал дистанцию, не приближаясь. На углу она свернула в узкий переулок, прошла мимо мастерской с опущенными жалюзи и остановилась у районной библиотеки.

В последнее время библиотека была закрыта для посетителей. Над входом висело объявление: «Читальный зал не работает. Переучет фонда». На окне за бумагой проступали тени книжных полок. Вера огляделась, но не так, как оглядываются люди, ищущие дорогу. Скорее проверила, кто остался на улице.

Лев остановился у газетного киоска на другой стороне. Он видел ее через дорогу, в отражении темного окна. Вера достала из сумки ключ и открыла боковую дверь.

На карте рутины появилась новая отметка. Лев не сразу смог поставить рядом степень уверенности: он наблюдал действие, но не знал, куда именно она вошла. В библиотеку? В служебное помещение? В закрытый читальный зал?

Он перешел улицу, но не приблизился к двери. С бокового фасада было видно длинное окно, скрытое наполовину плотной занавеской. За ним мерцал свет. Лев шагнул к стене, и стекло отразило его лицо поверх внутренней комнаты.

Вера прошла между столами, держа сумку в одной руке. Не оглядывалась на закрытые шкафы, не искала нужный ука-

затель. Она знала путь. Остановилась у дальнего стола, где лежала открытая книга в темном переплете.

Лев различил не название, а цвет обложки и белую полоску на корешке. Вера сняла перчатки. На несколько секунд задержала ладони над страницами, как будто проверяла, не осталось ли на них пыли. Затем достала из кармана маленький сложенный листок.

Она не раскрыла его. Не стала писать на месте. Просто положила между страницами, чуть выше середины книги, и осторожно закрыла переплет. Провела пальцами по обложке от корешка к краю, словно разгладила невидимую складку.

Лев перестал дышать.

Вера вернула книгу на стол, но не на прежнее место. Сдвинула ее на ширину ладони, повернула корешком к краю, чтобы заголовок было видно тому, кто подойдет с прохода. Потом подняла голову.

На мгновение ее взгляд остановился прямо на окне.

Лев не мог понять, смотрит ли она на улицу или на собственное отражение. Он не сдвинулся. Вера отвернулась, собрала перчатки и вышла из комнаты. Боковая дверь закрылась за ней мягко, без щелчка.

Она прошла мимо того места, где он стоял, не повернув головы. На перекрестке остановилась перед светофором, дождалась зеленого и растворилась в потоке людей.

Лев остался у библиотеки. В блокноте он записал: «17:36. Изменен маршрут. Вошла в районную библиотеку через бо-

ковую дверь с ключом. В закрытом читальном зале оставила сложенный лист в книге. Содержимое не установлено. Уверенность высокая. Причина посещения неизвестна».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.